

К ИСТОРИИ РАЗГРОМА ПУШКИНСКОГО ЛИЦЕЯ

С. Я. Гессен

Пушкинский лицей, такой, каким он запечатлелся в памяти поэта, каким и мы его знаем по произведении его гениального питомца, просуществовал недолго. Очень скоро после высылки Пушкина в лицей нанесен был сокрушительный удар. Низведший его на степень обыкновенного военно-учебного заведения.

18 марта 1822 года указом Александра I лицей и состоявший при нем благородный пансион подчинены были непосредственно цесаревичу Константину, будучи переданы в ведомство главного директора пажеского и кадетских корпусов. Еще прежде, 27 февраля, должности директора и надзирателей пансиона замещены были офицерами. Вслед за тем на пост директора лицея, вместо Е. А. Энгельгардта, назначен был генерал-майор Ф. Г. Гольтгоер, бывший прежде того директором Дворянского полка и перенесший в лицей все приемы, изменявшиеся им на своем прежнем посту. вплоть до телесных наказаний. Вместе с тем, переведенный в ведомство военно-учебных заведений, лицей попал еще и под тяжелую руку управляющего ведомством генерал-адъютанта Н. И. Демидова, известного изувера, принявшего ретиво вытраплять из воспитанников лицея „своевольство мыслей“.

Эта была, конечно, не реформа, а подлинное крушение, разгром старого лицея, предрешенный господством политической реакции. Впервые публикуемые нами документы¹ вводят читателя в самый центр тех событий, которые послужили поводом к этой военной расправе с Пушкинским лицеем.

Причины гонений, которым подвергся лицей, совершенно очевидны. Вольнодумство, распространявшееся в среде питомцев лицея, чему способствовал свободный характер лицейского воспитания и что привело к участию целого ряда воспитанников двух первых курсов в тайных обществах, не могло уже быть терпимо в новой политической обстановке. С середины 1820 года лицей привлек к себе пристальное и недоброжелательное внимание обер-прокурора синода и министра народного просвещения кн. А. Н. Голицына, что не замедлило сказаться на лицейских порядках.

Уже 31 июля 1820 года предписывается „всех тех воспитанников, *которые по худой нравственности* своей окажутся неблагонадежными к исправлению, представлять, не ожидая выпуска, к исключению“. Перед тем, 22 июня, Голицын отдал распоряжение о том, чтобы законоучитель И. С. Кочетов заседал в конференции, „дабы наравне с профессорами имел он возможность и право давать свой голос касательно успехов и нравственных качеств воспитанников“.

Одним из наиболее значительных проявлений новой политики в деле на-

¹ Печатаются по копиям из архива акад. Н. Ф. Дубровина.

родного образования явились те гонения, которым подвергся профессор А. П. Куницын, преподававший в лицее н. авственные и политические науки. Один из лучших и наиболее передовых педагогов своего времени, увековеченный в воспоиженньх стихах своего воспитанника Пушкина, Куницын в 1818 году напечатал курс своих лекций „Право естественное“. Книга эта вызвала негодующий отзыв известного мракобеса и изувера Д. П. Рунича, нашедшего ее „противоречащую явно истинам христианским и клонящуюся к ниспровержению всех связей семейных и государственных“. „Вся книга есть не что иное, как пространньй кодекс прав, присвояемых какому-то естественному человеку, и определений, совершенно противоположных учению св. откровения, — витийствовал Рунич. — Везде чистые начала какого-то непогрешимого разума признаются единственною законною поверкою побуждений и деяний человеческих“.

Немудрено, что книга Куницына заняла одно из центральных мест в публикуемом ниже „обвинительном акте“, предъявленном лицее Голицыным, и в оправданиях Энгельгардта. Вслед затем во время знаменитого университетского разгрома 1821 года, когда лучшие профессора, и в их числе Куницын, были удалены за либерализм, сам Куницын едва не попал под суд, а книги его о естественном праве отбирались и сжигались.

Если причины гонений на лицей крылись в общей перемене правительственного курса, то непосредственным толчком к ним послужила высылка Пушкина. В письме того же Энгельгардта к Ф. Ф. Матюшкину от 9 февраля 1821 года имеется точная дата начала этих гонений: „Если мне еще 6 месяцев прожить, как прожил я последние 10 месяцев, то уже меня не станет“. Стало быть, поворот в судьбе лицей обозначился тогда же, в апреле 1820 года, когда возникло и дело о Пушкине. Этим, конечно, объясняется то, что в своей оправдательной записке Энгельгардт подробно останавливается на причинах и следствиях „пагубных заблуждений“ Пушкина, пытаясь свалить ответственность за них на „родственников и друзей“ поэта.

1. ЗАПИСКА А. Н. ГОЛИЦЫНА О ИМПЕРАТОРСКОМ ЛИЦЕЕ 1821 ГОДА

Директор, несмотря на бывшее от министерства по части народного просвещения предписание, дабы учителя и губернеры в оба заведения избирались конференциею, долгое время делал сие сам непосредственно; профессора и учителя нередко без всякой законной причины не бывали в классах; но что всего вреднее, допущено им преподавание воспитанникам книги „Естественное право“ соч. профессора Куницына, которая г. Энгельгардтом была представлена мне для поднесения его величеству, как превосходное в сем роде творение, но по рассмотрении в главном училищ. правлении найдена совершенно пагубною для нравственности воспитанников и заключающею в себе все развратные правила новейшей философии. Вред, отсюда проистекающий обнаружился уже в 1819 году, когда воспитанники старшего возраста в Лицее оказали в классе не токмо явное ослушание, но и оскорбление профессору немецкой словесности Гауеншильду. Со всем тем о таком поступке, заслуживавшем строжайшего наказания, директор Лицея не почел даже нужным довести до моего сведения. Усмотрев же оный из мемории конференции, предписал я немедленно директору объявить виновным при прочих их сотоварищах строжайший выговор, и поставил ему на вид, что для отвра-

щения впредь подобных поступков следует утверждать воспитанников более в правилах благочестия и благонравия. Сие предписание мое однако объявил директор конференции не прежде, как по повторении мною предписания о сем. Я имел и кроме того личные жалобы других профессоров на неуважение к ним воспитанников Лицея в классах и небрежение их к хождению в классы.

Слабость таковая и потворство директора воспитанникам Лицея производили многие другие беспорядки. Чтение священного писания, введенное мною по всем учебным заведениям и принятое весьма успешно к исполнению директором пансиона, несколько времени встречало противоречия со стороны директора Лицея. Отсюда наипаче и оказывается в некоторых из выпущенных воспитанников недостаток доброй нравственности.

Из представляемой мне конференцие Лицея ведомости об успехах воспитанников усматривается, что в Лицее между 25 воспитанниками находится более по успехам в науках и поведению посредственных, нежели в пансионе в числе 170 воспитанников, хотя в воспитанники Лицея переводятся из пансиона одни токмо отличнейшие по дарованиям и по поведению: следственно им никак нельзя бы испортиться, если бы начальство Лицея радело как следует о их воспитании.

Усматривая таковые неурядица, почел я, обязанностью моею дать общее предписание начальству Лицея и пансиона о наблюдении паче всего за внедрением доброй нравственности в воспитанниках, основывая оную на правилах истинного христианского благочестия. Для лучшего же в оном содействия поручил ее в особенности священнику и законоучителю Кочетову, чтобы наставлениями своими старался укрепить в воспитанниках добрый дух и между тем доносил мне по временам о своих замечаниях. Притом неоднократно напоминал я начальству Лицея, дабы оно о распоряжениях своих непременно входило ко мне с представлениями, но как прежде сего не делало, то ныне при всяком почти представлении необходимо нужно требовать пополнений и объяснений: отчего весьма затрудняется течение дел по Лицею.

Из всего вышеизложенного с прискорбием замечается, что сии, по существу своему, знаменитые заведения, вместо того чтобы быть образцами для подобных заведений в России, совершенно расстроены. Способы их от неосторожного и самосильного распоряжения оными истощены, а образование вверенных Лицею юношей из знатнейших дворянских фамилий направляется вовсе не к той цели, которую государь император имел в виду, соединяя управления дел духовных с делами учебными.

2. ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА

...Я уже имел честь донести прежде вашему сиятельству, что выбор инспектора и гувернеров, как лиц, через коих непосредственно действовать обязан директор, и представление оных на утверждение министра с самого основания лицея зависело от директора и предместником моим производилось. По смерти же его, поелику конференция по части учебной и нравственной некоторым образом занимала эту должность, бывшим министром народного просвещения предписано было, чтоб пред-

ставления об определении гувернеров делать от конференции. По вступлении же моем в должность директора существовавший при предшественнике моем прежний порядок сам собою восстановился и представляемые мною гувернеры были вашим сиятельством утверждаемы. Впрочем из находящихся при Лицее гувернеров трое определены еще до моего прибытия и один только мною с утверждения вашего сиятельства, избранный, барон Сакен по всем отношениям делает заведению честь и по редким качествам ума и сердца своего достоин занимать важную должность, ему препорученную. Здесь не могу я не заметить, что по пансиону неоднократно именем в. с. вводимы были директором сего заведения в отправление должностей гувернеры и преподающие без ведома конференции и моего и, что впоследствии всегда таковые определения утверждались в. с.

Что же касается преподающих, то они по высочайше утвержденному уставу должны быть испытуемы и назначаемы конференциею. Это всегда без изъятия делалось и ни один преподающий по Лицею иначе не определен как по назначению конференции или по предписанию в. с.

Профессора иногда не бывали в классах, но это случалось большею частию с теми, которые проживая в Петербурге по другим должностям и приезжая в Царское Село на два и на три дня иногда удерживаемы от сего бывали болезнью или иными причинами.

Относительно книги „Естественное право“, профессором Куницыном изданной, могу я сказать только следующее: преподавание вообще сей науки предписано уставом в Лицее, как и в других университетах и высших учебных заведениях. Профессор Куницын преподавал оное по собственным тетрадям; по окончании первого курса Лицея, где в. с. изволили присутствовать при экзамене по сей науке и изъявить свое удовольствие Куницыну, предложено было ему напечатать свои тетради для избавления воспитанников от лишнего труда списывания. По просьбе его предписано было правлению выдать ему на напечатание его книги заимообразно тысячу рублей с тем, чтобы в уплату сей суммы принять от него соответственное число экземпляров. Г. Куницын, приведя в порядок свои тетради, представил оные на рассмотрение цензуры, по одобрении коей книга была напечатана в 1819 г. и по установленному порядку внесено обыкновенное число экземпляров в департамент народного просвещения, из коих один в начале сего года препровожден в библиотеку Лицея. Вследствие вышеозначенного предписания в. с-ва принято от г. Куницына по 500 экз. его книги для употребления оной в классах. В начале сего года г. Куницын доставил мне при отношении своем экземпляр сей книги с просьбою представить оный установленным порядком государю императору. Не имея причин отказать ему, я по долгу моему представил о сей просьбе в. с., дозволив себе только прибавить, что книга сия по мнению моему достойна внимания. О превосходстве же и совершенстве сочинения сего рода судить я никак на себя не беру. Здесь еще заметить должно, что выбор учебных книг и надзора за употреблением оных по уставу Лицея препоручены как и вся учебная часть конференции. Книга Куницына, одобренная цензурою, принята конференциею и введена в употребление с утверждения в. с. и я бы по сему мог совершенно сложить с себя всю ответственность. Однако я признаюсь, что при всем том была бы обязанность моя противиться

введению ее, если бы нашел ее вредною. Но нашел в сей книге только общие начала, всегда и всюду сколько мне известно в учение Естественного права входящие, я не предвидел, чтобы книга г. Куницына отдельно могла быть более вредна, нежели вообще самое Естественное право, которое, как и всякая на умствованиях основанная наука, при неблаго-разумном наставнике, может конечно подать повод к ложным заключениям учащихся. А по сему если есть вред, то по мнению моему надлежит приписать оной науке, а не книге об оной.

Происшествие в классе профессора Гауеншильда, назад более 1½ лет случившееся, кажется мне не может почестся следствием книги или учения г. Куницына. Таковые происшествия встречаются более или менее во всех почти учебных заведениях и встречались до моего времени в Лицее, но значительнее сего с г. Гауеншильдом, когда сверх звания профессора была возложена на него еще должность управляющего. Они обыкновенно происходят столько же от ошибочного приема преподающего, сколько и от воспитанников. Впрочем я ни в сем, ни в каком-либо другом случае потворства воспитанникам не делал, что доказывается тем, что трое из них в сем случае, как главные виновные, г. Гауеншильдом объявленные, невзирая на то, что между ними находился один в 5-летнее свое в Лицее пребывание постоянно отличавшийся примерною скромностью и благонравием, немедленно присуждены были мною к строжайшему наказанию, какое имеем мы в Лицее, т. е. к трехдневному заключению в карцер, и сверх того к значительному понижению в нумерах, что все одобрено и выполнено по журналу конференции...

Относительно введения чтения священного писания ежедневно при начатии классов и при вечерней молитве, я признаю, что я счел долгом от в. с. не скрывать моего образа мыслей, хотя и не совершенно согласного с мнением вашим. Я знаю, что повиновение и послушание воле начальства суть первый ненарушимый долг каждого подчиненного и гражданина, ибо они составляют главное основание и связь общества. Но при строгом исполнении долга послушания, другой не менее священный долг подчиненного и гражданина есть, со свойственною добросовестному человеку откровенностью и не щадя, если нужно, самого себя, доводить до сведения начальства о неудобствах, какие находит он при исполнении предписанного. На сем основании исполняя волю в. с. введением предписанного чтения библии, вместе с тем не мог не донести вам о причинах, по коим полагал я таковое ежедневно два раза повторяемое чтение библии менее полезным, нежели чтение оной от времени до времени, разбором тех только мест, кои могут быть совершенно понятны детскому и юношескому возрасту. Впрочем чтение библии по приказанию в. с. введено было в Лицее неукоснительно и производилось — я смею сказать, — постояннее, нежели в Благородном пансионе.

На счет улощения воспитанников Лицея на разряды по достоинству сравнения сего распределения с пансионом, имел я честь представить в. с. мое объяснение. Из оного явствует: 1) что в расписании пансиона речь идет не о 170 воспитанниках, но о двух только высших классах, около 30 человек содержащих; 2) что не только не по мнению конференции, а против оного настоял я в том, чтобы воспитанники Лицея для точной их пользы были делимы на основании изданных на сей предмет правил не на два, а на четыре разряда, и наконец 3) что ре-

зультаты, основанные может быть на различных основаниях, не могут по справедливости сравниваться.

Препоручение, сделанное в. с. законоучителю Кочетову еще с начала прошедшей зимы, о содействии с своей стороны в нравственном образовании воспитанников, было подтверждением того, что счел я за полезное сделать назад тому три года вскоре по вступлении его сюда, ибо тогда уже пригласил я его мне в том помогать, во всех случаях, где по сану своему найдет он к тому возможность. На сей конец и сообщаю я ему постоянно от времени до времени свои замечания и советуюсь с ним на счет воспитанников.

В заключение я приемлю смелость сказать, что Лицей ни в хозяйственном, ни в нравственном отношении не расстроен. Хозяйственные дела его, как из отчетов и книг видно, в хорошем положении, долгу ни малейшего нет и с того времени, когда новым штатом положена достаточная сумма на содержание его, он при хорошем устройстве имел каждый год более или менее значительные остатки. Учебные пособия умножены, ибо в течение 4-х лет библиотека от двух или трех сот книг возросла до 8 тыс. номеров. Физический кабинет умножен разными недостававшими орудиями; несуществовавший прежде кабинет естественной истории основан и довольно уже обогащен и словом по наружности Лицей сделался лучшим, нежели был. Но главный предмет сего заведения, главнейшая цель великодушного основателя и покровителя оногo, образование сердец и умов юношей, от коих некогда государь и отечество ожидают услуг, знания, а паче честности, верности и бескорыстия. Эта цель, которая со вступления моего сюда есть единственная цель жизни моей, которой посвятил я все, что есть во мне способностей. Я смело скажу перед богом, царем и моею совестью — она исполнена, по колику то позволяет несовершенство человеческих предприятий. В некоторое тому доказательство я покорнейше прошу в. с. удостоить одного взгляда ряд выпущенных из Лицея в бытность мою воспитанников, в приложенном списке означенных. В. с. усмотреть изволите, что в 1-ом курсе по прошествии только 4 лет из числа 27 юношей, вступивших в службу своего государя, один только несчастный, увлекаемый пылкостью молодого таланта, слишком рано развитого и еще до моего прибытия безрассудными хвалами родственников и друзей их превознесенного, впал в пагубные заблуждения, относящиеся впрочем более к голове, нежели к сердцу его. Но и сего заблудившегося отеческая благость государя не совсем отринула — Пушкин призрен и может быть спасен. Прочие все более или менее по способностям каждого и по удобному случаю оправдали справедливые надежды правительств и соответствовали благой его цели. Во всех министерствах во всех родах государственной службы находятся воспитанники Лицея и я ссылаюсь на свидетельства их начальств, они всюду отличаются честностью, благородством и способностями. Многие из них занимают места, доказывающие доверенность лицу: многие удостоились получить знаки отличия и другие награды, утверждающие их достоинство. Второй курс Лицея по краткости времени не имел еще возможности столько же себя выказать, но и в сем некоторые уже успели заслужить внимание своих начальников и удостоены мест, коюгые обыкновенно не доверяются юншам, вступившим токмо в свет. Я уверен, что по прошествии четырех же лет воспитанники второго

курса не уступят старшим своим товарищам лестного преимущества оказать себя достойными благодати царя и содействовать славе Лицея, к коему приверженность их беспредельна.

Изложив таким образом со всею откровенностью пред в. с. положение дел, мне препорученных, и результат пятилетнего моего занятия при Лицее, я прошу убедительнейше в. с. заметить, что изложение сие ни мало не писано в том направлении, чтоб удержать за собою место, в коем я, лишась винно или безвинно доверенности вашей и по всем обстоятельствам с ним сопряженным, оставаться более не должен, почему и утруждал я в. с. еще в прошлом году просьбою об увольнении меня от оной. Единственная цель моя при самом изложении была показать, что я чувствовал и всегда чувствую святость препорученного мне дела и что я прилагал все свое старание заслуживать и оправдать доверенность, мне оказанную. Успел ли я в том или нет, принадлежит суждению в. с.

Строгий во мне судия, собственная совесть спокойна; это неоцененное чувство и благодарность родителей моих воспитанников, усех сих последних на поприще мира, их признательность и любовь ко мне, — вот мое утешение при разлуке с местом и занятиями, в коих сердце мое находило счастье, в коих мечтал некогда я пребыть до конца дней своих.

Директор Лицея Егор Энгельгардт.

ЗАМЕТКА О ВОСПИТАННИКАХ ИМПЕРАТОРСКОГО ЛИЦЕЯ 1-го и 2-го курса,
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ ПОСТУПИВШИХ

1) В. Вольховский

В главном гвардейском штабе, произведен два раза за отличие; ныне при посольстве в Бухарии

2) Кн. А. Горчаков

При министерстве иностранных дел; награжден в Лайбахе орденом Св. Владимира.

3) Бар. М. Корф

При министерстве юстиции по сенату и помощник редактора в комиссии составления законов. Был употреблен при ревизии губерний сенаторами, награжден орденами Св. Владимира и Св. Анны.

4) Д. Маслов

В государственной канцелярии; награжден орденом Св. Владимира.

5) Ф. Матюшкин

Окончив путешествие вокруг света с капитаном Головинным, был переведен во флот. Ныне отправлен в экспедицию к Ледовитому океану на р. Колыму.

6) П. Гревениц }

7) П. Юдин }

8) С. Комовский }

При министерстве иностранных дел; награждены орденами Св. Анны.

При департаменте народного просвещения старшим помощником столоначальника.

9) С. Ломоносов

Секретарем посольства в Филадельфии.

10) Н. Корсаков

Секретарем посольства в Риме (умер).

11) М. Яковлев

За обер-секретарским столом в Москве, произведен в высший чин за отличие и по случаю двух поездок с сенаторами-ревизорами два раза представлен к награждению.

12) Мартынов

- 13) И. Пущин }
 14) С. Есаков }
 15) П. Саврасов }
 16) И. Малиновский
 17) А. Бакунин
 18) А. Корнилов
 19) К. Костенский
 20) А. Тырков
 21) А. Дельвиг
 22) К. Данзас
 23) А. Идличевский
- 24) А. Пушкин
 25) В. Кюхельбекер
 26) П. Мясоедов
 27) Гр. С. Броглио

При департаменте народного просвещения; произведен в высший чин за отличие.

Служат первые два по конной, а последний по пешей Гвард. артиллерии. По экзамену произведены.

В финлянд. егерском полку.

Адъютант при генерале Раевском.

В лейб-гренадерском полку.

По министерству финансов.

В армии.

При Императорской библиотеке.

В инженерах.

При томском гражданском губернаторе.

При генерале Инзове.

По коллегии иностранных дел.

По министерству юстиции.

По выпуску отправился в свое отечество.

2-го курса

- 1) В. Зягржский
 2) П. Дубенский
 3) М. Черныш
 4) Б. Данзас
 5) Л. Нуммерс
 6) К. Безак
 7) А. Угрюмов
 8) С. Подлинев
 9) Н. Ханыков
- 10) Н. Брусилов
 11) Д. Эристов
 12) В. Лангер
- 13) Н. Савич }
 14) В. Пальчиков }
 15) М. Харламов }
 16) А. Васильчиков }
 17) Л. Микулин
 18) П. Яхонтов
 19) Н. Молчанов
 20) А. Шабельский
 21) И. Позняк
 22) М. Орлай
 23) А. Гнедич }
 24) П. Ивановский }
 25) В. Семенов }

За обер-прокурорским столом в сенате.

Штатный секретарь при директоре департамента податей и сборов.

Там же журналистом.

Секретарь при военном генерал-губернаторе в Москве.

Помощник столоначальника в медицинском департ. министр. внутр. дел.

В должности столоначальника в азиатском департаменте коллегии иностранных дел.

За обер-секретарским столом в московском сенате департаменте.

По выдержании отличного экзамена принят в главный гвардейский штаб.

Пробыв три недели в семеновском полку, переведен в суздальский полк, быв там адъютантом, а ныне назначен к формирующимся в Москве застрельщицким батальонам.

Переведен в олонецкий полк; взят к корпусному командиру кн. Орчакову.

При комиссии составления законов помощник редактора.

В департаменте народного просвещения.

При министерстве внутренних дел.

В московском полку.

В преображенском полку.

При министерстве юстиции.

При департаменте духовных дел.

При коллегии иностранных дел.

В департ. народного просвещения.

При министерстве финансов.

В армии.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕНИК

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
Ж У Р Н А Л

Я Н В А Р Ь • 1 9 3 7

1

ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“